

ПОЕЗДКА ВО ФРАНЦИЮ: апрель – июль 1717

АВСТРИЙСКИЕ НИДЕРЛАНДЫ

10 апреля на яхте Генеральных штатов царь Петр отплыл из Мидделбюрга в Антверпен¹. Дорога во Францию шла через территорию нынешней Бельгии — тогдашние Южные Нидерланды, которые до 1713 г. принадлежали Испании, а затем Австрии. Принимал русского гостя маркиз Эркуль Жозеф Луи де Прие (1658—1726), полномочный министр австрийского двора, управлявший Австрийскими Нидерландами от имени императорского наместника принца Евгения Савойского, занятого на Балканах войной с турками. Россия и Австрия находились в тот момент в отношениях дружеских, поэтому принять царя надо было со всеми почестями.

В Антверпене Петр остановился в гостевой резиденции для самых высокопоставленных особ в средневековом аббатстве св. Михаила. 12 апреля местная газета *«Антверпсе Пост-Тейдингс»*, выходящая на нидерландском языке, известила читателей, что «Его Царское Величество <...> в настоящее время занят осмотром достопримечательностей и редкостей этого города». Помимо цитадели, построенной в 1567 г. испанским герцогом Альбой, чтобы держать мятежных антверпенцев в страхе и повиновении, Петр посетил ратушу, собор, церковь иезуитов с плафонными росписями Рубенса (год спустя они были уничтожены пожаром) и биржу, которая фактически была также художественной галереей, ибо там выставляли свои работы члены гильдии св. Луки — художники и скульпторы.

Из Антверпена царь со свитой отплыл 13 апреля по Виллебрукскому каналу в Брюссель, где его на следующий день официально приветствовали местные власти. Не поддается объяснению, почему в русских источниках ни слова не говорится о том, что государь в Брюсселе видел и с кем встречался, а ведь этот город считался «украшением, увеселением и усладой Брабанта»². Историограф Голиков кратко отмечает:

«Здесь Монарх препровел в осмотрении города и всех достопамятных и примечание заслуживающих мест, а паче манифактур онаго, четверы сутки»³.

Согласно одной рукописной городской хронике XVIII в., которая хранится в Королевской библиотеке в Брюсселе, венценосному путешественнику «показали все, заслуживающее внимание, так как он весьма любознательный государь и все хотел изучить сам»⁴.

Самый известный эпизод пребывания властелина России в Брюсселе — это праздник, устроенный муниципалитетом 16 апреля в Городском парке. Погода была прекрасная, парк ярко разукрашен, столы ломились от закуски и вин. Кто-то из царской свиты вскочил на «островок» в источнике Марии Магдалины в овраге парка. За ним прыгнул сам Петр и угодил в воду. Выпито было столько, что, по некоторым данным, Его Величеству вдруг стало плохо и его прямо в источник стошнило. В память об этом происшествии, о котором и сегодня сообщила бы вся мировая пресса, городские власти велели выбить на каменном бортике источника латинский текст такого содержания: «Петр Алексеевич, царь и великий князь Московии, сидя на краю этого источника, воду его облагородил, совершив возлияние вином, в третьем часу пополудни 16 апреля 1717 года». О точном смысле этих слов идут давние споры. Рядом с этим памятным местом был в 1856 г. установлен бюст Петра, подаренный Брюсселю Анатолием Демидовым, князем Сан-Донато, одним из богатейших в то время людей России. Такой же бюст он подарил городку Спа, где царь, возвращаясь из Франции, целый месяц провел на водах.

В том же овраге парка легко заметить статую лежащей женщины — «Кающуюся Марию Магдалину», копию мраморной фигуры начала XVII в.⁵ Кое-кто полагает, что однажды Петра в Брюсселе ночью хватились, стали искать и застали утром в объятиях некоей прелестной горожанки. В память о нем и о ней, мол, и поместили в парке изображение лежащей дамы⁶. Не исключено, что эта байка появилась совсем недавно, для развлечения русских туристов, которые к свободному от условностей поведению своего великого соотечественника относятся обычно с пониманием и симпатией.

О чем у нас есть надежные сведения, так это о том, что 15 апреля русский монарх побывал в монастыре ордена картезианцев и провел там все утро у одного монаха, искусного токаря по дереву. Как известно, токарное дело, вытачивание деревянных фигурок было у Петра любимым хобби. О его визите в монастырь есть свидетельство Якоба Кампо Вейермана (1677–1747), одного из важнейших голландских писателей эпохи Просвещения. Автор сатир, пьес и биографий художников, прекрасно осведомленный обо всем, что происходило в интеллектуальной жизни Европы, он иронически комментировал людей и нравы своего времени. По его словам, он лично видел царя у картезианцев.

Памятник Петру Великому в Антверпене.
Скульптор *Георгий Франгулян*, 1998 (фото *Сергей Мезин*)

«В монастыре картузианцев в Брюсселе, — писал более четверти века спустя Вейерман, — в кельях монахов одиночество было порой столь же редким, как их благочестие. Особенно у достопочтенного картузианца ван дер Элста в приемной было обычно больше господ высокого ранга, нежели братьев-чудотворцев. Я там однажды встретил царя Великой России, графа Чернина, маркиза де Вестерло⁷, генерала Врангеля и многих других знатных особ. Его келья иногда походила скорее на аудиенц-зал наместника Австрийских Нидерландов, чем на уединенные покои смиренного монаха»⁸.

О самом монахе по имени Филиппус ван Элст мы узнаем, что он был по происхождению дворянином, но, отринув свет, удалился в монастырь картузианцев и стал «одним из самых заслуженных членов своего ордена». «Царь Московии почтил патера двумя или тремя визитами, и этот выдающийся государь, суждения которого были проникательны, как солнечные лучи, заявил, что весьма доволен ответами, данными патером ван дер Элстом на математические вопросы, предложенные Его Величеством»⁹. Филиппус ван дер Элст действительно жил между 1700 и 1729 годами в обители картузианцев в Брюсселе, где Петр и посетил его 15 апреля в сопровождении группы местных нотаблей. Наиболее вероятной причиной посещения была репутация монаха как чрезвычайно искусного токаря¹⁰.

Но встречал ли царя сам Вейерман?¹¹ Возможно, писатель только слышал о визите Петра и придумал из тщеславия, будто видел его. Франсискус Ливенс Керстеман, младший современник Вейермана и автор его биографии, вышедшей в Гааге в 1756 г., утверждает, что властитель России еще в свой первый приезд в Амстердам (1697), побывав инкогнито у писателя дома и очарованный его красноречием и умом, попросил Вейермана поехать с ним и стать его историографом и советником. Но тот, уже потеряв вкус к путешествиям, наотрез отказался¹².

О самом Петре, «государе несравненном», писатель в своих сочинениях неоднократно отзывался восторженно, сравнивая его то с великими реформаторами Лютером и Кальвином, а то и с царями Давидом и Соломоном¹³. Напротив, уровень цивилизованности державы Петра этот голландский деятель Просвещения оценивал невысоко. В 1722-м, через пять лет после своей возможной встречи с российским государем в Брюсселе, Вейерман в основанном им сатирическом журнале *«Ден Амстердамсен Хермес»* поместил сообщение из Петербурга, выражающее явные сомнения в успехе петровских реформ:

«Царь отобрал из молодых русских дворян, вернувшихся из-за границы, самых просвещенных, дабы определить их на службу ко двору своей дочери. <...> Что посещение чужих земель дворянство просвещает, неоспоримо. Однако вопрос, осуществляется ли сей

замысел с дворянством, составленным из чеснока, меда и перца, “Хермес” оставляет без ответа. Князь (Knees) или боярин столь же непригодны к приращению искусств и наук, как только что пойманная обезьяна к камзолу с кружевами и шляпе со страусиными перьями. Московиты подобны слабым желудкам, которые все целебное принимают с крайним отвращением и то новое, что им прописал доктор Петр, вероятнее всего, тут же из себя извергнут, едва он отойдет к праотцам»¹⁴.

Нетрудно заметить, насколько скептически относился Вейерман к «изменившейся России», как назвал тогда же эту страну ганноверский дипломат Фридрих Христиан Вебер (1721). По мнению последнего, русские за границей нередко производили впечатление самое благоприятное: «Некоторые русские путешественники своей учтивостью и приобретенным добронравием снискали себе любовь и уважение немцев и своим примером заставили поверить, что русский все-таки в состоянии стать честным и нравственным человеком, а следовательно, царь может сделать своих подданных истинными людьми». Впрочем, тот же Вебер отмечал, что коренных изменений в русских не произошло и, вернувшись к себе на родину, они свои внешние манеры отбрасывают¹⁵.

Проведя пять дней в Брюсселе, царь-реформатор отбыл в Гент. Город тщательно подготовился к его визиту, однако перед самым въездом в Гент Петр изменил свои планы и, не заезжая в город, направился прямо к каналу, где его ждала баржа, которая должна была доставить его в Брюгге. Это был не единственный раз, когда царь так обошелся с ожидавшими его гостеприимными хозяевами. Подобное случится и в ходе поездки во Францию:

«На дороге в Париж приготовлен был для Государя великопленный обед в Бове тамошним епископом, но Его величество там остановиться не разсудил, а когда ему находившиеся при нем спутники докладывали, что на пути такого обеда не получают, то сказал он им в ответ: “Для солдата был бы хлеб да вода, так он уж тем и доволен”»¹⁶.

Краткое пребывание Петра в Остенде его секретари в официальном путевом дневнике описали так:

«В 9 день Его Царское Величество изволил ходить по городу Остенду и смотрел фортеции. В тож время случилась быть в том городе ездеция или казнь ворам, между которыми был один солдат також за вину приговорен к смерти, и оный просил Его Величества, чтобы для пришествия Его Величества от смерти был избавлен; и Его Величество милосердую о том солдате, изволил говорить об нем тамошним управителям, чтоб они его не казнили: что они по предложению Его Величества немедленно исполнили, и онаго от смерти свободили»¹⁷.

За поездкой Петра по городам южных Нидерландов пристально следил голландский резидент в Брюсселе Эрнст Пестерс (1665—1728) и доносил обо всем великому пенсионарию Хейнсиусу. 19 апреля он сообщил:

«Его Царское Величество заявил, что весьма доволен своим пребыванием здесь и чрезвычайным приемом, который оказал ему господин маркиз де Прие. Вчера царь отбыл в Гент с намерением посетить порт Остенде и Мардикские шлюзы близ Дюнкерка. Но направится ли Его Величество дальше во Францию и каким путем вернется, узнать не удалось. Он сказал только, что хочет поехать пить воду в Спа, когда будет благоприятный для этого сезон»¹⁸.

Проехав Ниупорт и Вёрне, высокий гость покинул Австрийские Нидерланды и устремился во Францию, где на границе, в Дюнкерке, его торжественно встретили. По пути в Дюнкерк он увидел множество ветряных мельниц и сказал генерал-адъютанту П.И. Ягужинскому:

«То-то бы для Дон-Кишотов было здесь работы!»¹⁹

29 апреля голландский резидент в Брюсселе дал знать Хейнсиусу, что прием, оказанный царю в Дюнкерке, был более чем скромный²⁰.

ФРАНЦИЯ

В Дюнкерке Петр с большим вниманием осмотрел остатки укреплений, шлюзы и каналы. По Утрехтскому договору 1713 г. Франции пришлось разрушить свою крепость в Дюнкерке, со 178 пушками и 30 мортирами. «Зело жалка <так.> смотреть на руину сей фортеции, а наипаче гавани», — рассказал Петр в письме к оставшейся в Голландии Екатерине²¹. В Кале царь и его свита отпраздновали православную Пасху, предавшись обильным возлияниям. Там же, в Кале, державный властелин взял к себе на службу француза Никола Буржуа, отличавшегося невиданным ростом (227 см) и громадной физической силой. Художник Георг Гзелль напишет его портрет.

Пока Петр находился в Дюнкерке, маркиз д'Юкселль, руководивший в то время внешней политикой королевства, написал оттуда в Париж, прося прислать в распоряжение русского монарха «человека, сведущего в торговле на Балтийском море и достаточно сообразительного, чтобы исполнять приказы, которые будут ему даны, как относительно этой торговли, так и в иных отношениях. Необходимо, чтобы это был человек надежный, которому можно полностью доверять и который знает голландский, дабы он мог сам общаться с царем, говорящим на этом языке». По свидетельству

морского офицера, сопровождавшего гостя в Дюнкерке, «по-французски он не говорит совсем, он знает голландский. Но князь Куракин, который прибыл с ним и никогда от него не отходит, разговаривает на нашем языке достаточно хорошо»²².

Проезжая французские деревни, царь мог убедиться в крайней бедности местных крестьян, разоренных бесчисленными войнами Людовика XIV: «А сколько дорогою видели, бедность в людях подлых великая»²³. Как справедливо отметил биограф будущего императора А. Брикнер, «После посещения им самых богатых тогда в Европе стран, голландских и австрийских Нидерландов, его поражала бедность населения во Франции»²⁴.

Недалеко от Парижа царя ожидал почетный эскорт, в сопровождении которого тот въехал 7 мая во французскую столицу. В Лувре для русских гостей устроили роскошный ужин, однако Петр Алексеевич ограничился репой с хлебом и несколькими стаканами вина и пива. В газете «*Антверпсе Пост-Тейдинге*» от 14 мая мы находим небезынтересные детали: Петр въехал в Париж в карете, запряженной шестеркой лошадей; ужин в Лувре состоял из 800 блюд (мясо, рыба, десерт), но царь всего этого есть не стал, а скромно подкрепившись, стал осматривать украшения отведенных ему в Лувре покоев. Впрочем, ночевать в них, спать в красивейшей в мире кровати, принадлежавшей покойному Людовику XIV, он не пожелал и, снова сев в карету, отправился в резиденцию частную — в городскую усадьбу герцогов де Ледигьер, около Арсенала.

8 мая царя в его временной резиденции посетил регент герцог Филипп Орлеанский, управлявший страной от имени несовершеннолетнего Людовика XV, а два дня спустя прибыл и сам семилетний король. Хорошо известна картина художницы начала XIX в. Луизы Марии Жанны Эрсан: на ней изображено, как Петр поднимает мальчика на руки и целует его. В Париже царь побывал в Арсенале (там не только хранили оружие, но и отливали бронзовые статуи, украшавшие королевские дворцы), прогулялся по площадям с конными памятниками королям, внимательно изучая и переписывая латинские тексты на постаментах. Заходил в мастерские столяров и мебельщиков, беседовал с ними, а порой и показывал собственное умение вытачивать фигурки из дерева.

Современники сходились на том, что царь проявлял необыкновенную научную и практическую любознательность. Внимание его привлекали как редкости кунсткамер, так и ботанический сад, анатомический театр, обсерватория, географические карты, глобусы, а также Дворец правосудия (одеяния судей вызвали у него больше интереса, чем проходивший там судебный процесс) и Академия наук (существует легенда, что тогда его и избрали членом Академии, но на самом деле это произошло позднее — в декабре). Его

можно было увидеть в королевской библиотеке дворца Тюильри, в королевской типографии, Сорбонне, Академии надписей, на Монетном дворе и бесчисленных мануфактурах, где изготавливали стекло, чулки, гобелены.

Если верить Вольтеру, на могиле кардинала Ришелье в церкви Сорбонны Петр воскликнул: «Я отдал бы половину своего царства такому человеку, как ты, чтобы он научил меня, как управлять другой половиной». В базилике Сен-Дени он осмотрел надгробия французских королей. На Елисейских полях присутствовал при смотре войск. В Большой галерее Лувра его заинтересовали не столько картины (хотя он и отдал должное полотнам Рубенса и Ван Дейка), сколько макеты крепостей. В Париже Петр также заказал свой портрет.

Увлеченный в ту пору архитектурой и садами, он ознакомился не только с Лувром и Тюильри, но и с Люксембургским дворцом, дворцом Пале-Руаяль, Домом инвалидов, в котором Людовик XIV открыл приют для ветеранов его войн. Взобрался на одну из башен собора Парижской Богоматери и прокатился в лодочке по Сене. Посетил некоторые королевские резиденции и за пределами столицы: Медон, Сен-Клу, Фонтенбло, Версаль и Марли. Классицизм показался ему слишком строгим: он предпочитал барокко.

По субботам Петр и его свита ходили в баню, оборудованную на берегу Сены. Поглазеть на то, как русские после парилки прыгают прямо в реку, собирались толпы парижан²⁵. Брюссельская газета «*Релясьон Веритабль*» 28 мая сообщила из французской столицы: «Царь <...> моется ежедневно один раз в день». Для тогдашнего Парижа такое известие было явной сенсацией!

Вообще «центр цивилизации» ждал восточного владыку с нетерпением. Историк Жан Бургиньон справедливо замечает: «В то время редко видели, чтобы монархи совершали столь далекие путешествия, и появление во Франции русского царя не могло не вызвать большого удивления». В Париже о Петре Великом даже распевали песенку:

«Сколько радости наш Париж
И все мы увидели в эти дни!
Сей славный князь и государь
К нам вдруг возьми да загляни.
Покинул он свои края,
Чтоб почтить нашего короля.
Король Людовик, о коем речь,
Послал людей ему навстречь.
Далекой Московии властелин
Везде почитаем и знаменит —
Как по Парижу он будет гулять,
Каждый с радостью поглядит»²⁶.

В интеллектуальных кругах Франции первым, еще до Вольтера, свой вклад в создание культа царя-реформатора внес один из духовных отцов Просвещения философ Бернар де Фонтенель (1657—1757). Еще в 1715 г., назвав Петра «царем, задумавшим величайшую и благороднейшую вещь, какая только могла прийти в голову монарху, а именно вывести своих подданных из варварского состояния и ввести у них науки и искусства», Фонтенель без колебаний поставил его на одну доску с великим философом Лейбницем²⁷.

Другим почитателем Петра, который к тому же лично с ним познакомился, был герцог Луи де Сен-Симон (1675—1755), член Регентского совета, управлявшего страной до совершеннолетия Людовика XV, автор знаменитых мемуаров. Он принадлежал к тому меньшинству французской элиты, которое было настроено по отношению к властителю России благосклонно. Весьма лестным для Петра было сравнение его Сен-Симоном с античными героями: «...Я не возьму на себя смелость изобразить такого великого и славного государя, подобного величайшим мужам древности, который вызывал восхищение в своем веке и будет вызывать в веках грядущих и которого вся Европа изо всех сил старалась узнать».

Необыкновенная любознательность царя, «обширность познаний и нечто неизменно последовательное» в нем резко отличали его от родины («варварский характер его происхождения, его страны и его воспитания»)²⁸. И если кое-кто из принимавшей Петра французской знати считал, что он «рожден быть не более чем боцманом на голландском судне»²⁹, то Сен-Симон, напротив, находил в простоте русского гостя черты благородства: «При всей этой простоте, в какой бы плохой карете и с каким бы сопровождением он ни был, нельзя было обмануться, видя его величественный облик, присущий ему от рождения»³⁰.

Андрей Нартов будет вспоминать: «Надобные языки для России почитал он голанской и немецкой, а с французами, говаривал он, не имеем мы дела»³¹.

Чрезмерная приверженность церемониям, преувеличенная учтивость и расточительство французской аристократии Петра оттачивали. «Роскошь, какую он здесь заметил, его премного удивила, — отмечал Сен-Симон, — Уезжая, он посочувствовал королю и Франции и сказал, что с прискорбием видит, что роскошь эта ее скоро погубит»³². Сен-Симону вторил еще один очевидец пребывания царя в Париже: «С тех пор как он здесь, он уже тысячу раз сказал, что, глядя на Францию, плачет и предвидит, что наш маленький король потеряет державу из-за роскоши и излишеств, которые в ней обретаются»³³. Самая импозантная европейская столица произвела на Петра немалое впечатление, однако ему приписывают такие слова: «И жалею при том, что город сей рано или поздно

от роскоши падет или от смрадной вони вымрет»³⁴, или, как запомнилось Нартову, «Добро перенимать у французов художества и науки. Сие желал бы я видеть у себя, а в прочем Париж воняет»³⁵.

Как бы кто ни оценивал в то время в Париже личность и заслуги Петра, остается неоспоримым, что визит его повлиял на развитие французской мысли больше, чем приезд какого-либо иного высокопоставленного гостя³⁶.

НА ОБРАТНОМ ПУТИ В ГОЛЛАНДИЮ

Возвращаясь из Франции в Республику Соединенных Провинций, царь вновь оказался в Южных (Австрийских) Нидерландах. Его целью было пройти курс лечения на водах в Спа. Сопровождал государя его лейб-медик Роберт Эрскин. Шотландец Эрскин учился медицине в Эдинбурге, Утрехте и Париже, в 1703 г. стал членом лондонского Королевского общества. Поначалу он состоял личным врачом Меншикова, потом его взял к себе сам государь. По свидетельству побывавшего в России Корнелиса де Бруина, Эрскин «получает по контракту тысячу пятьсот золотых дукатов в год» и «завоевал большое уважение у людей не только своей опытностью и знаниями, но и любезностью и обходительностью»³⁷. Годовое жалованье Эрскина, 3000 рублей, было необычайно высоким, Петр своего врача очень ценил, но порой бывал им и другими докторами недоволен.

В письмах из Спа он не раз жаловался оставшейся в Гааге Екатерине на врачей, называя их «запретительными человеками»: они настаивали, чтобы он ради собственного здоровья был поумереннее в любви. 29 июня царь без малейшего смущения объяснял жене: «...А понеже во вѣремя пития вод домашней забавы дохторы употреблять запѣрещают, того ради я матрису свою отпустил к вам; ибо не мог бы удержатца, ежелиб при мне была»³⁸. В своих «Анекдотах о Петре Великом» Якоб фон Штелин отрицал, что у его героя были «наложницы или метрессы, хотя он всегда был ловким охотником, который часто и не особенно различая стрелял влет...»³⁹. В русских переводах сборника, вышедшем еще в XVIII в., этого сюжета мы не находим⁴⁰. Впрочем, царь искренне скучал и по жене, своему «сердечному другу», надеясь, что у них все-таки родится новый наследник: «А что пишешь, ежелиб я был, то-б новова шишеньку зделали, — дай Боже, чтобы пророчество твое збылось!»⁴¹.

В течение всего месяца, проведенного в Спа (июнь—июль 1717 г.) Петр, помимо питья минеральной воды, прогулок и развлечений, занимался также делами. Там к нему поступила просьба от парижской Сорбонны — изучить возможность унии между Русской Православной Церковью и римско-католической; памятную записку

Мраморная плита с латинским текстом в память о пребывании Петра в Спа (фото *Вим Куденис*)

об этом царь направил священноначалию Русской Православной Церкви. В Спа он принял своего антверпенского агента банкира Стеффано, с помощью которого думал установить торговые связи России с Австрийскими Нидерландами. Однако главным делом были поиски сбежавшего сына. Именно в Спа до Петра дошло известие, что царевич Алексей скрывается в Австрии, а ведь Австрия была в тот период союзницей России. Ко двору императора Карла VI были посланы опытные дипломаты, чтобы отыскать и вернуть отцу блудного сына.

Месяц на водах в Спа укрепил здоровье Его Величества, и он не скрывал удовлетворения. В благодарность за лечение и на память о своем приезде он в следующем году подарил городу выполненную амстердамским скульптором черную мраморную доску, которую можно увидеть в Спа и сейчас. Ее латинский текст представляет собой целую политическую программу властелина России:

«Петр Первый, Божией милостью Император Всероссийский,
Благочестивый, Счастливый, Непобедимый,
В своем народе воинского дела восстановитель,
Всех наук, теоретических и прикладных, основоположник,
Построив собственной доблестью
Могучий военный флот,
Значительно увеличив свои войска,
Безопасность владений, и наследственных, и завоеванных,
В огне, богиней войны разожженном, обеспечив
И изучив нравы различных народов Европы,
Прибыл через Францию, Намюр и Льеж,
К этим водам Спа,
Как в спасительную гавань.
С успехом он пил целебные воды, особенно из источника Жеронстер,
И вернул себе прежнюю силу и здоровье
23 июля 1717 года.
Затем вновь посетив Голландию
И возвратившись в державу своих предков,
Повелел установить здесь
Этот вечный памятник его благодарности
В год 1718-ый»

Немецкий историк Райнхард Виттрам формулирует выраженную в этой надписи политическую декларацию царя так:

«Все ключевые слова подобраны с умыслом: императорский титул, прикладные науки, атрибуты власти, безопасность державы, обеспеченная собственными силами. Здесь в самую сжатую форму втиснуто то, как именно Петр в то время хотел, чтобы его оценивали. Одновременно это нечто вроде завещания»⁴².

Целебный источник на курорте Спа,
где Петр пил воду в 1717 году (фото *Вим Куденис*)

Под впечатлением от действенности минеральных вод Спа царский лейб-медик Эрскин, носивший также звание «архиятр», т.е. ведавший всей медициной России, стал поощрять там развитие минералогических курортов. Из Спа Петр прислал своим сенаторам указ:

«Господа Сенат! По получении сего, велите Доктору Шуберту искать в Нашем Государстве (а особливо в таких местах, где есть железные руды) ключевых вод, которыми можно пользоваться от болезней, на приклад, какими в здешних краях пользуются, как Пирмонтская, Шпавассер [воды Спа] и проч».

В 1718 г. Эрскин сам поехал лечиться на первый в России курорт — на воды в Олонец (Карелия), где и скончался⁴³.

Жители Спа, в первую очередь торговцы и трактирщики, постарались извлечь как можно больше пользы из посещения города русским царем. Уже в первые два года после этого число иностранных гостей на курорте заметно возросло. В 1782 г. Спа посетил великий князь Павел Петрович, в 1818-м император Александр I, а два года спустя, в недолгий период, когда Голландия и Бельгия составляли единое королевство (1815—1830), сестра Александра I и Николая I Анна Павловна, супруга будущего короля Нидерландов, возвела над источником, названным в честь ее великого предка, новый павильон. В 1856 г. Анатолий Демидов, князь Сан-Донато, подарил городу бронзовый бюст Петра I, копию того, что был преподнесен Брюсселю.

25 июля 1717 г. Петр отбыл из Спа в Ахен, тоже известный минеральными источниками, и провел там два дня. Оттуда он направился в Маастрихт и Амстердам. Пребывание его в Австрийских Нидерландах завершилось, и принимавший его маркиз де Прие мог с облегчением доложить 5 августа императору в Вену, что «царь <...> весьма удовлетворен теми знаками внимания и приемом, которые были ему оказаны во владениях Вашего Величества»⁴⁴.

Примечания

1. О пребывании Петра в Австрийских Нидерландах см. мою книгу: *Vagelans Э. Петр Великий в Бельгии*. СПб., 2007.
2. Stadsarchief Brussel. Handschrift nr. 33. Beschryvinghe der edele stad van Brussel... (1720). Fol. 4. Как и Антверпен, Брюссель находится в исторической области Брабант, которая некогда была отдельным герцогством.
3. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... Т. V. С. 308.
4. Koninklijke Bibliotheek Brussel. Handschrift nr. 1711. De Bleye. Beschryving ofte Kronycke der stad Brussel... Fol. 634—635.
5. *Renoy G.* Quartier Royal. Brussel, 1980. P. 126; *Ронин В.К.* В центре Брюсселя. Историко-культурный путеводитель. Антверпен, 2013. С. 182—183.

6. Этот совершенно не согласующийся с источниками рассказ я обнаружил 12 июня 2012 г. на сайте Сергея Фаустова (<http://faustov.ru/?cat=9&paged=2>).
7. Граф Франц-Йозеф фон Чернин был зятем графа Жана-Филиппа-Эжена де Мерода, маркиза де Вестерло, который сопровождал царя во время его пребывания в Брюсселе.
8. *Weyerman J.C.* Eenige scherpe aanmerkingen over de Historie des Pausdoms. Amsterdam, 1734. P. 60.
9. *Weyerman J.C.* Historie des Pausdoms. Amsterdam, 1725. Vol. I. P. 159.
10. *Vet de J.J.V.M.* Weyerman en zijn kartuizer. P. 179–208.
11. Скептически относится к свидетельству писателя также исследовательница Рит Хогма (*Hoogma R.* Peter de Grote en de Russen in het werk van Jacob Campo Weyerman. P. 42).
12. *Kersteman F.L.* Zeldzaame levens-gevallen van J.C. Weyerman. Leiden, 1994. P. 78–79.
13. *Weyerman J.C.* De Levens-beschryvingen der Nederlandsche Konst-schilders... Vol. IV. P. 8–10; Idem. De Achtste 't Zamenspraak... P. 80–86.
14. *Weyerman J.C.* Den Amsterdamschen Hermes I (1722). P. 81–82.
15. *Weber F.C.* Das Veränderte Rußland. Hannover, 1721. S. 12. См. также: *Matthes E.* Das Veränderte Rußland und die unveränderten Züge des Russenbilds. S. 109–135.
16. *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом. С. 109.
17. История свейской войны. С. 615.
18. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 220.
19. *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. С. 313.
20. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 231.
21. Письма русских государей... Т. I. С. 64.
22. *Teil du J.* Le czar a Dunkerque (1717). P. 115, 160.
23. Письма русских государей... Т. I. С. 66.
24. *Брикнер А.* История Петра Великого. Т. II. С. 155.
25. Петр Великий в русской литературе. С. 101.
26. *Bourguignon J.* Un Empereur de Russie dans les Ardennes // Revue d'Ardenne et d'Argonne. Т. IX. N° 1–2. Sedan, 1901–1902. P. 2.
27. Цит. по: *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie. P. 18.
28. *Saint-Simon de L.* Mémoires complets et authentiques. Т. VI. Paris, 1996. P. 347, 352–353, 362.
29. Цит. по: *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie. P. 19.
30. *Saint-Simon de L.* Mémoires complets et authentiques. Т. VI. P. 354.
31. *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом. С. 90.
32. *Saint-Simon de L.* Mémoires complets et authentiques. Т. VI. P. 363.
33. *D'Allonville de Louville C.A.* Mémoires secrets sur l'Etablissement de la Maison de Bourbon en Espagne. Vol. II. Paris, 1818. P. 240.
34. Петр Великий в русской литературе. С. 169.

35. *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом. С. 103. Высказывание это известно в двух вариантах. Один из них кончается словами «а не перенимать их нрава» (Там же. С. 60).
36. *Mohrenschiltd von D.S.* Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France. P. 33. «Величайшим из иностранных гостей, которых когда-либо принимал Париж», назвал его французский историк Альфред Никола Рамбо (цит. по: *Lossky B.* Le séjour de Pierre le Grand en France. P. 303).
37. *Bruin de C.* Reizen over Moskovie, door Persie en Indie... P. 452.
38. Письма русских государей... Т. I. С. 70.
39. *Stählin von J.* Originalanekdoten von Peter dem Großen. S. 131.
40. Выражаю благодарность петербургскому коллеге Павлу Кротову, который просмотрел два первых русских перевода Штелина: 1786 и 1787 годов.
41. Письма русских государей... Т. I. С. 72–73.
42. *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Bd. II. S. 321.
43. *Рухтер В.М.* История медицины в России. Т. III. М., 1820. С. 120–129.
44. Цит. по: *Gachard [L.P.]* Le voyage de Pierre le Grand dans les Pays-Bas Autrichiens, en 1717. P. 519–520.